

обеспечения унификации управленческой документации и сокращения количества форм и видов единообразных документов. Более того, высокая значимость и недостаточная практическая разработанность и применимость проблемы документационного и программного обеспечения уголовно-исполнительной системы определяет несомненную новизну данного исследования.

Литература

1. Береза Т.А. Україна на шляху до Всесвітнього самміту з питань інформаційного суспільства // Інформаційне суспільство. Шлях України. – К.: Ника-Центр, 2004. С.14-23.
2. Згуровський М. Напрямки розвитку інформаційного суспільства// Інформаційне суспільство. Шлях України. – К.:Ника-Центр, 2004.- С.52.
3. Трубников В.М. Уголовно-исполнительное право Украины. Общая часть. – Х.: Рубикон, 2008. – 352с.

УДК 81'373.4=161.1

КАЛАМБУР В ГАЗЕТНОМ ДИСКУРСЕ

Моисеенко Т.А.
Курмакаева Н.П.

В настоящее время значительное внимание журналистов и исследователей привлекают явления комического, экспрессивного в языке, в числе которых заметное место занимает каламбур. Ценность каламбура как факта современного газетного дискурса заключается в его информативной емкости, словесной лаконичности, максимально выраженной оценочности, а сконцентрировать максимум смысла при минимуме речевых средств помогает языковая игра.

Объектом нашего исследования стал язык современных еженедельников «2000» и «АиФ» за 2008-2010 гг. Предметом мы избрали особенности каламбура в современном газетном тексте. Для анализа было собрано 100 единиц каламбурных образований.

Цель данного исследования – уточнить место каламбура в метаязыке лингвистики и представить опыт классификации и описания современного газетного каламбура в соответствии с приемами языковой игры, на которых он построен.

Понятие каламбура, как свидетельствуют теоретические источники, всегда связывают с языковой игрой [1, с.8]. Однако взаимоотношение этих лингвистических понятий разными учеными понимается по-разному, и, на наш взгляд, нуждаются в уточнении.

Так, Гридина Т.А. определяет каламбур «как любую словесную игру, создающую одновременно параллельное двойственное восприятие

ассоциативно связанных значений в сознании отправителя и получателя, а также как несоответствие плана выражения и план содержания с целью получения комического эффекта» [2, с.68]. В этом определении вопросы вызывает как общая установка на отождествление каламбура с языковой игрой, так и частные характеристики каламбура, сужающие это понятие. Начнем с последнего.

Как показывает собранный материал исследования, ассоциация не всегда является элементом, связывающим значения в каламбуре. Нередко значения намеренно сближаются в рамках данного контекста. Возьмем каламбур, основанный на омонимичности корней: *Посулы и обещания для электората – что **приворотное** зелье. От него уже всех давно **воротит**, а все равно пьют, пьют и пьют* («2000»). Здесь значения 'очаровать' и 'относиться к чему-то с пренебрежением' не связаны ассоциативно вне этого контекста. Контрастирующий эффект они получили в умело созданной речевой ситуацией.

Часто для «расшифровки» каламбура ведущую роль выполняют «сигнализаторы», которые расширяют или в корне меняют смысловое содержание контекста. Например, в газетном заголовке *«Нашла коса на вентиль»* («2000») сигнализатором изменения значения слова «коса» (*нашла коса на камень*) является слово *вентиль*, эксплицирующее иное значение слова *коса* и создающее иной ассоциативный ряд.

Более того, мы считаем, что не всегда план выражения и план содержания не соответствуют друг другу. Сошлемся на авторитет известного исследователя в области языковой игры профессора В.З. Санникова. Разделив все каламбуры на 3 семантических типа («соседи», «маска», «семья»)[3, с.499-500], Он предлагает их различать так:

1) «соседи», когда смыслы суммируются:

«Выборы без выбора» (2000);

2) «маска», когда значения сталкиваются, и одно из них становится доминирующим:

Сеновал. Послевкусие (об оставке Арсения Яценюка)(2000);

3) «семья», где смыслы сталкиваются, но нет «победителя»:

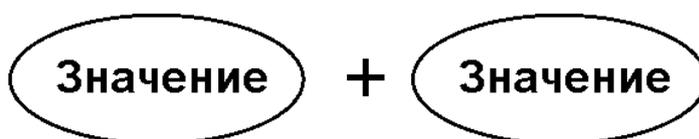
*«Отпетый демократ, истинный демократический **ариец**... не в том смысле, конечно, а в плане исполнил **арию** на тему, что такое демократия и как с ней бороться...»* (2000).

Если согласиться с ученым относительно такой классификации, то только в каламбуре-«маске» план выражения и план содержания не соотносятся; в остальных же случаях происходит соединение в рамках одного контекста двух значений, одно из которых зачастую соответствует плану выражения (рис. 1).

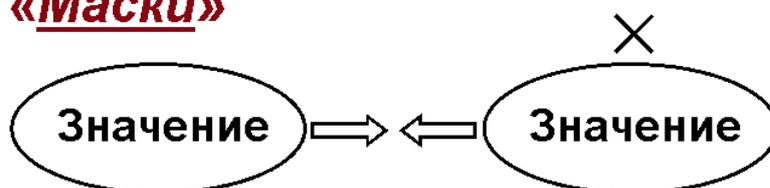
Наконец, спорными, до конца не проясненными остаются отношения каламбура и языковой игры. Как мы отметили, Т.А. Гридина их отождествляет. Б.Ю. Норман в своей работе «Игра на гранях языка», говоря о такой особенности языковой игры, как «сопряжение с комическим эффектом», одновременно оговаривает и форму, которую она принимает: это может быть «словесная острота, каламбур, шутка, анекдот и т.п.» [1, с.8]. Ученый

совершенно справедливо замечает, что «языковая игра — только одно из средств создания комического, она «сотрудничает» с целым рядом приемов, с помощью которых достигается юмористический эффект» [1, с.8]. Профессор Б.Ю. Норман далее определяет каламбур как фигуру речи и вид языковой игры. В.З. Санников однозначно трактует каламбур как шутку [3, с.497].

1. «Соседи»

2. «Маски»

3. «Семья»

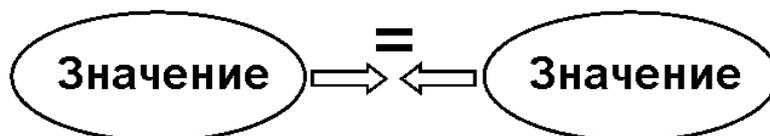

Рис.1 – Соотношение компонентов в разных видах каламбура

То, что каламбур создается с помощью приемов языковой игры, является бесспорным, на наш взгляд. Фактором, объединяющим каламбур и языковую игру, следует признать отступление от канонов. Языковая игра – это нарушение сложившейся языковой нормы. А каламбур – это вид комического, одним из признаков которого, по мнению как древнего ученого Аристотеля, так и современного исследователя Б. Дземидока, является «отклонение от нормы», «ошибка».

Возникает закономерный вопрос: правильно ли считать каламбур видом языковой игры или он как-то иначе соотносится с языковой игрой? Обыкновенно, говоря о классификации языковой игры, рассматривают средства ее создания. Поместить каламбур в эту классификацию нам представляется не вполне убедительным по той причине, что понятие «каламбур» шире понятия приема, в создании каламбура участвует совокупность языковых средств и, как правило, не один прием. Таким образом, каламбур и языковая игра – категории, различающиеся и по объему, и по месту в метаязыке лингвистики.

Для прояснения ситуации следует подойти к классификации языковой игры с другой стороны и рассмотреть не сами средства, а результат их работы: явления, которые создаются языковой игрой (рис.2). В этом случае, на наш взгляд, каламбур может найти свое место как вид языковой игры.

В энциклопедическом словаре-справочнике «Культура русской речи»

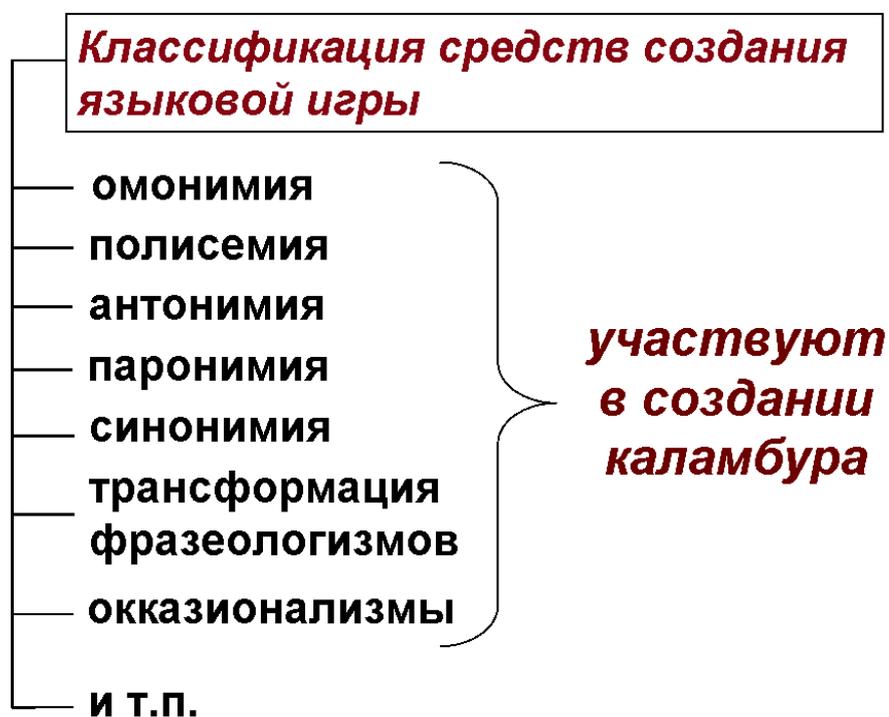

Рис. 2 – Средства создания каламбура в приемах языковой игры

А.П.Сковородников дает следующее определение: «каламбур – разновидность языковой игры с установкой на комический эффект, конструктивную основу которой составляют стилистические фигуры, опирающиеся на такие парадигматические отношения в лексике, как полисемия, омонимия, паронимия (в широком смысле, включая парономазию) и антонимия» [5, с.234]. В целом соглашаясь с этим определением, все же отметим, что оно не охватывает всех приемов, с помощью которых создается каламбур, не учитывает структурно-синтаксические возможности данной стилистической фигуры.

А.А. Щербина при выделении семантико-звуковых основ каламбура в русском языке упоминает многозначность слова (включая переносные значения), омонимию, смежные общеязыковые и контекстуальные явления (созвучие и контаминацию, мнимую этимологию, разрушение фразеологии). Термином «созвучие» он определяет явление, которое в современной лингвистике принято обозначать как «парономазия» [4, с.55]. Включение в этот перечень контаминации представляется важным, поскольку к лексическим факторам добавляется синтаксический, но пока только один.

В.З. Санников, определяя каламбур, дает достаточно подробную его классификацию, учитывающую формальные особенности строения каламбура: «Каламбур – это шутка, основанная на смысловом объединении в одном контексте либо 1) разных значений одного слова, либо 2) разных слов (словосочетаний), тождественных по звучанию (омонимов), либо 3) разных слов (словосочетаний), сходных по звучанию (паронимов), либо 4) псевдосинонимов, либо 5) псевдоантонимов» [3, с.497]. Приведенные классификации имеют много общего, однако имеются в них и различия. В.З. Санников, выделяя псевдоантонимы и псевдосинонимы, не упоминает ни контаминации, ни прием трансформации фразеологизмов. На наш взгляд, прием преобразования устойчивых выражений (в том числе и через контаминацию) обладает высоким потенциалом для развития каламбура и не учитывать его нельзя.

Наиболее убедительным мы считаем определение, данное А. Кузнецовой: «Каламбур – это фигура речи, направленная на достижение комического эффекта, в которой одну и ту же последовательность языковых знаков можно воспринимать одновременно в нескольких значениях, что является нарушением логических законов организации текста» [6]. В нем, на наш взгляд, удачно определены лингвистический статус каламбура (фигура речи), его функция (выражение комического) и смысловая нагрузка (несколько значений), а приемы и способы обобщены в понятии «нарушение логических законов организации текста», которое позволяет включать сюда не только лексические, но и факторы других уровней языка.

В ходе проведенной работы нами был собран языковой материал с примерами использования каламбура на газетной полосе. На основе этого материала мы выявили следующие приемы языковой игры, с помощью которых образуются каламбуры.

1. Омонимия (в широком значении): *Современная российская таможня не дает «добро», она его держит* («АиФ»).

2. Полисемия: *...сокращать чиновников – опасно для общества. Это все равно, что уголовников выпустить из тюрем. Все ж только и говорят о криминализации власти. Нет, лучше уж пусть **сидят**, где **сидят*** («2000»).

3. Антонимия (в широком значении), псевдоантонимия:

*Медицина **будущего** родом из **прошлого*** («2000»); *Как **причины** обсуждали свои **следствия*** («2000»).

4. Паронимия и паронимазия: *Кому кризис – **война**, а кому – **Вона*** («2000»), *Правильно, об этом лучше не **трепаться**, чтобы людям нервы не **трепать*** («2000»).

5. Синонимия (квазисинонимия): *«Ну, что ты будешь делать с этим **невменяемым**? Я не про президента, конечно, а про народ. Полная **неадекватность**! В смысле народ **неадекватен** президенту. Или наоборот»* («2000»).

6. Трансформация фразеологических единиц:

«Нашла коса на вентиль» («2000»); «Вовкуна бояться – в кино не ходить» («2000»).

7. Окказионализмы (в том числе семантические и графические):

Кандидаты выстроились на старте и готовятся пустить в ход свои «фишки». Предвыборные аферизмы, («2000»); *...регулярно наблюдают в сессионном зале «пианистов», голосующих по нескольким карточкам одновременно* («АиФ»); *ПРО*вокацию сподобили американские «друзья» и «партнеры» Виктора Андреевича («2000»).

8. Контаминация: «Матриархат» районного масштаба («2000»); «Судьба показала ему зубы, а он ей кузькину мать» («АиФ»).

В процессе обработки мы столкнулись и с более сложными способами. Приведем пример с использованием омонимов:

Да, политическая жизнь бьет ключом¹. То ли гаечным², то ли еще каким-то. У наших политиков же ума, как известно, палата³. Только ключ⁴ от этой палаты частенько теряется («2000»).

Проследим трансформацию значения слова *ключ*. Сначала мы видим фразеологизм, который использован в своем исходном значении: `бурная жизнь`. Слово *ключ* обозначает `бьющий из земли источник, родник`. В то же время по контексту в устойчивом значении выявляется еще один смысл через прием буквализации фразеологизма. Вследствие этого меняется значение слова: *ключ* как `приспособление для отвинчивания гаек`. Это значение подкрепляется словом *гаечный*. Затем обыгрывается еще один фразеологизм: *ума палата*, одновременно приводя к очередному изменению значения слова *ключ*. Последнее его значение: `металлический стержень для отпираания двери`. Оно утверждается в данном контексте путем разрушения фразеологизма.

Еще пример: *...выборы у нас практически на носу. А если на носу – то и на ушах избирателей. Лапша всякая. Чем лапша развесистой – тем лучше* («2000»).

В этом примере обыгрываются многозначность (*нос*), квазиантонимия (*нос* – *уши*), разрушенные фразеологизмы (*лапша на уши*; *развесистая клюква*). Интересен прием, когда сначала перед нами возникает собственно значение фразеологизма, но затем под влиянием контекста оно внезапно сменяется или подаются части известных идиом, в необычном (контаминированном) виде, что создает необычный эффект восприятия. Это явление называется «эффект обманутого ожидания», когда «слово «прикидывается» одним, а оказывается чем-то другим» [3, с.500]. Но взаимосвязи между этими словами помогают добиться другие приемы: трансформация фразеологических единиц и установление «ложной связи между событиями, в действительности независимыми» [3, с.97].

Последние примеры демонстрируют еще и то, что немалую роль в образовании каламбуров играют синтаксические приемы и средства, которые пока остаются почти неизученными. Нам представляется, что структурно-синтаксическая организация каламбурных образований такая же богатая и разнообразная, как и лексико-семантическая, и что этот уровень немаловажен

для адекватного розуміння каламбура. Следователно, изучению этой стороны русского каламбура мы посвятим нашу следующую работу.

Литература

1. Норман Б.Ю. Игра на гранях языка. – М.: Флинта, Наука, 2006. – 344 с.
2. Михайкина С.Г. Когда газетный заголовок – каламбур // Русская речь. – 2008. – № 4. – С.68-72.
3. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры – 2-е изд., испр. и доп. – М. : «Языки славянской культуры», 2002. – 552 с.
4. Щербина, А. А. Сущность и искусство словесной остроты (каламбура). – К. : Изд-во АН УССР, 1958. – 68 с.
5. Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / Под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова и др. – М.: Флинта Наука, 2003. – 840 с.
6. Кузнецова А. Каламбур в тексте // Русский язык. – 2000. – № 24 (54) – <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=1370&level1=main&level2=articles>

УДК 811.161.2'373.44

ФУНКЦІОНУВАННЯ МАТЕРІАЛЬНИХ АРХАЇЗМІВ У МАЛІЙ УКРАЇНСЬКІЙ ІСТОРИЧНІЙ ПРОЗІ

Никитюк Д.В.
Клименко Н.Б.

Серед останніх тенденцій у лексикологічних дослідженнях помічається зростання інтересу до проблем розвитку мови, вияву розвитку слова та лексичного фонду загалом.

Генетична, семантична та функціональна повнота і своєрідність лексики української мови обумовлює багатство її семантики. Мовні одиниці мають настільки семантично розгалужену структуру, що, втрачаючи певні елементи, цілком можуть використовуватися й надалі. Проте втрачені елементи потребують актуалізації, яка успішно може пройти шляхом уведення застарілої лексики в художні тексти. Таким чином, вивчення застарілої лексики на матеріалі художніх творів залишається актуальним.

Серед лексичних елементів сучасної української мови, семантична структура яких має певну часову маркованість, ґрунтовно досліджувались неологізми. На сьогодні в українознавстві існує невелика кількість спеціальних досліджень застарілої лексики в українській мові, тоді як процеси архаїзації слів охоплюють значну частину словника української мови, ігнорування такої лексики означало б спрощення уявлення про динаміку словникової еволюції. Шар застарілої лексики випав з поля зору лінгвістів як самостійний об'єкт вивчення й розглядався лише побіжно у працях Л.Булаховського, А.Коваль,